

Кстати, что касается его отношения к традициям, то в разделе о русских и в особенности, о малых народах Севера и Сибири это отношение как раз отличается уважительным вниманием и даже тревогой по поводу их стремительного разрушения и перехода к обезличенности «рационализма европейского образа жизни». Более того, в завершающем разделе своего труда В. Карлов высказывает глубокую и, на мой взгляд, верную мысль о закономерности возврата к «брошенным» этнокультурным явлениям и ценностям (кн. 3, с. 75).

Завершающий раздел труда В. Карлова вообще, на мой взгляд, очень хорош. Здесь он позволил себе широкий историософский взгляд на судьбу России и ее народов, высказав суждение, с которым лично я полностью солидарен: эпоха национальных экономик ушла в прошлое, уступив место «эргатической эпохе», т.е. времени, вызвавшему к жизни экономические, технологические, культурные надсистемы, которые я бы назвал цивилизациями, и в ряду таких надсистем (США, ЕЭС и др.) объективно должно находиться образование, еще недавно называвшееся СССР, ибо общность его жителей – это отнюдь не механическая совокупность, но некий органический культурный синтез, не отрицающий (как и в Европе) национальной самобытности.

А.А. Никищенков

© 1997 г., ЭО, № 1

Н.Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч. в шести томах. Т. 5. Письма. Документы и материалы / Составители А.Н. Анфертьев, А.Я. Массов, М.Ф. Матвеева, Б.Н. Путилов, Д.Д. Тумаркин. М., 1996. 824 с.

Цифры, приведенные в предисловии к очередному тому сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая, сами по себе красноречивы: в него вошли 552 письма, на две с лишним сотни больше, чем в аналогичный том первого академического собрания трудов великого путешественника и исследователя¹.

159 из них напечатаны впервые, многие – впервые полностью, 56 – впервые в переводе с немецкого, английского, французского и итальянского. Комментарии, насыщенные историко-биографическими справками, носят также источниковедческий характер: отражена история публикации каждого текста и таким образом отдается должное тому переписки, изданному в 1953 г. – первой капитальной ступени, а также своего рода промежуточным ступеням между двумя собраниями сочинений – статьям и публикациям Б.А. Вальской, Д.Д. Тумаркина, А.Я. Массова, статьям и биографическим работам Б.Н. Путилова, публикациям в сборнике новогвинейских материалов².

Рецензируемый том опирается на опыт отечественной океанистики за последние полвека. Не менее важны и устранение барьеров на пути поиска источников и принцип «без изъятия», что позволило извлечь лежавшее под спудом и воскресить жертвы купюр. Вспоминаются слова самого Миклухо-Маклая, возмущенного тем, что в «Известиях Императорского Русского географического общества» самовольно урезали его сообщение о первом пребывании в Новой Гвинее: «Если я что делаю или что говорю, то это **единственно для науки**, т.е. для истины, которая не требует и не выносит цензур»³.

Многое было найдено в национальных хранилищах, облегчивших доступ к своим фондам – Архиве внешней политики Российской империи, Государственном архиве Российской Федерации, Российском Государственном архиве Военно-морского флота, Российском государственном историческом архиве и других, тогда как эпистолярный том-предшественник черпал преимущественно из архивов Русского географического общества и Российской Академии наук. В перечне использованных зарубежных депозитариев документов и рукописей – Британская библиотека и французская Национальная библиотека, Государственный архив Великобритании и Архив штата Квинсленд (Австралия), Архив Германской академии наук и Архив Сиднейского университета, Библиотека Митчелла в Сиднее, Музей Эрнста Геккеля в Йене, Архив Зоологической станции в Неаполе.

Плодотворным оказался и просмотр старых русских и некоторых зарубежных газет и журналов. В разделе «Документы и материалы» напечатаны не вошедшие в собрание сочинений 1950–1954 гг. публицистические статьи, интервью и речи, обнаруженные в «Новостях и Биржевой газете», «Голосе», «Петербургской газете», в австралийских газетах «Сидней морнинг геральд» и «Дейли телеграф».

Успешному итогу многолетних разысканий мы обязаны исследователям, объединенным в группу для изучения и публикации наследия И.Н. Миклухо-Маклая, созданную при ИЭА и МАЭ РАН, и привлеченным извне специалистам. Вклад каждого обозначен. Ответственные редакторы тома Б.Н. Путилов и Д.Д. Тумаркин являются, кроме того, активными составителями и авторами большей части примечаний. Не умаляя ничьих заслуг, отметим объем работы, проделанной Д.Д. Тумаркиным, который не только проводил разыскания в нашей стране, но и собрал за рубежом – в Германии, Англии, Франции, Австралии, обильный урожай неопубликованных, по крайней мере, в России, материалов, перевел их и сопроводил комментариями, нередко равноценными историческим штудиям.

Какое же совокупный эффект прибавлений к уже имевшемуся корпусу писем? Подтверждается вывод о доминировании интересов ученого, целиком поглощенного научными задачами и проблемами их осуществления. Его письма, констатировал в свое время Б.Н. Путилов, "теснейшим образом связаны с путевыми дневниками, отчетами о путешествиях и со статьями, те и другие взаимно комментируют и дополняют друг друга..."⁴. Не отклоняясь от главного русла, прибавления, тем не менее, содержат новые детали замечательной жизни – частной, научной, общественной, духовной, проливая свет и на оставшееся в тени.

Переписку с людьми науки существенно пополнили письма, свидетельствующие о связях с Петербургской Академией наук (К.Э. Бэру, К.С. Веселовскому), в иностранной же части – к немецким естествоиспытателям, в общении с которыми в годы учения в Германии и позже складывались естественнонаучные воззрения Миклухо-Маклая, к Эрнсту Геккелю, Аугусту Детерманну, Рудольфу Вирхову, к другу и единомышленнику в науке Антону Дорну. Упомянем также письма к выдающемуся английскому биологу Томасу Хаксли, к итальянцу – ботанику Одоардо Беккарри и географу Гуидо Коре, к австралийцам – биологу У.Э. Хэзуэлю, куратору Австралийского музея в Сиднее Э.П. Рэмзи. Принадлежность к неформальной общности искателей знания, универсального по своей природе, побуждала русского ученого подчас протестовать против обуженного государственными границами понимания научных интересов. Этика взаимного содействия исследованиям была для него органичной (пример – ходатайство о выдаче паспорта на въезд в Россию этнографу Яну Станиславу Кубари, поляку-эмигранту, работавшему в Микронезии) (с. 453).

Заметно расширились разделы, помеченные датами пребывания Миклухо-Маклая в Австралии – за счет писем на родину, в Западную Европу и местной корреспонденции, от кратких деловых до пространных аналитических записок. Австралийские архивы подарили нам и "Проект развития Берега Маклая", и подробности основания Биологической станции в Сиднее, и факты разнообразных контактов, значимых в плане австрало-российских связей, будь то знакомство с У. Макартуром из семьи пионеров мериносового овцеводства или представителем иной династии, газетной, Дж. Ферфаксом. Обострение политической ситуации в Старом Свете поднимали, бывало, в британских колониях волны русофобии, сказывавшейся и на Миклухо-Маклае. Но в целом необычный чужеземец, внушавший уважение смелостью и горением энтузиаста, встретил в Австралии хороший прием и, навсегда протиснувшись с ней в 1887 г., направил сиднейским друзьям благодарственное письмо (с. 495).

Чрезвычайно обогащен круг материалов, наиболее весомых в своей информативности и связанных с нарастающей колониальной экспансией в Океании и заботами о настоящем и будущем островитян-аборигенов. В посланиях британскому верховному комиссару в западной части Тихого океана А. Гордону, командующему Австралийской военно-морской станцией Дж. Уилсону, министру колоний лорду Дерби, царю Александру III и министру иностранных дел России Н.К. Гирсу, великим князьям, ведавшим флотом, адмиралам И.А. Шестакову, Н.В. Копытову, Н.М. Чихачеву мы вновь слышим голос человека, который откасался считать неизбежным злом колониальный произвол, обман и ограбление простодушных, насильственную вербовку рабочих вплоть до людокрадства⁵, и настаивал на признании земельных прав туземцев, на административной или экономической узде, сдерживающей ввоз на острова спиртного, оружия и пороха. Раскрывается драма столкновения благородной идеи и неуступчивой реальности. тщетных попыток согласовать с меняющейся расстановкой политических сил планы защиты папуасов и их приобщения к цивилизации.

Известно, что добиваясь автономии Берега Маклая и туземного самоуправления под международным или одноподдержанным протекторатом, чтобы оградить новогвинейцев от надвигающейся аннексии восточной половины острова, Миклухо-Маклай прибегал к тактике игры на противоречиях между империями, апеллируя то к одной, то к другой, что ставило его в щекотливые ситуации. Документальный разворот темы с большей полнотой и новыми оттенками обнаруживает его упования на вмешательство России.

Протекторат увязывался им с устройством русской морской станции в южнотихоокеанских водах – с якорной стоянкой, складом угля и продовольственными ресурсами. Быстро назревавший окончательный раздел Океании вносил в дискуссию тревожную ноту – не опоздать бы. Из письма командующему отрядом русских судов на Тихом океане контр-адмиралу Н.В. Копытову в сентябре 1883 г.: «Жаль, однако ж. будет **очень и очень жаль**, если Россия упустил время заявить свое **положительное желание занять** (т.е. пока дать один только "**протекторат**") одну из групп островов Тихого океана» (с. 336). Из письма, год спустя, главному начальнику флота и морского ведомства великому князю Алексею Александровичу, указав на притязания Англии, Франции и Германии: "Неужели Россия не захочет участвовать в этом генеральном деле? Неужели она не удержит за собою ни одного островка для морской станции в Тихом океане?" (с. 378).

После того как Англия и Германия договорились о разделе Новой Гвинеи, идея российского присутствия принимает форму переселенческой колонии и в качестве подходящей территории Миклухо-Маклаем предлагаются и другие острова, помимо Берега Маклая. И так велико и упорно было его стремление к возвращению в Океанию, которое открыл простор для благих дел, что уже получив отказ комиссии из представителей министерств, рассматривавшей проект русской колонии, и отказ самого императора, обладавшего некогда в Ливадии, он все еще надеется достигнуть избранного острова и,

"будучи русским", поднять там флаг родины, не обременяя правительство "дорогостоящими мероприятиями" (с. 479).

Неоднократные высказывания Миклухо-Маклая о целесообразности российской опеки над каким-либо "незанятым" островом вряд ли были всего лишь словесной данью языку большой политики, аргументами, призванными убедить тех, от кого зависели государственные гарантии его заветных проектов помощи островитянам. Позиция ученого явно объясняется и патриотическими соображениями о влиянии России в безразличных ей пределах, тем более, что он увидел возрастающее значение стран тихоокеанского региона в мировой политике (с. 441).

Подготовленная в 1886 г. "Памятная записка по вопросу об организации Русского Тихоокеанского Товарищества" (с. 561–563) свидетельствует, что наряду с проектом колонии в духе демократической утопии (с. 460–461, 561), присущей общественной мысли XIX в. и воплощенной в ряде практических экспериментов⁶, возникло и намерение привлечь соотечественников коммерческими выгодами колониальной торговли.

Как бы ни были далеки от реальных возможностей выходы ученого на геополитическое поле, из его взглядов на продвижение России вытекают и готовности "способствовать сколько-нибудь своими знаниями устройству морской станции и согласие, с оговорками, присылать в министерство иностранных дел "постоянные сообщения" о положении на юге Тихого океана. Недавно преданные гласности⁷ и полностью опубликованные в томе, эти тексты (всего их было три), ценные для историка, основаны на личных наблюдениях и общедоступной печатной информации.

Было бы неверным, однако, исходя из новых публикаций видеть в Н.Н. Миклухо-Маклае апологета колониальных захватов. Прежде всего, он полагал, что приобретение местности, удобной для станции "может быть сделано путем мирным, без нарушения прав собственности туземцев" и ссылался на слова Александра III о том, что «Россия не нуждается в "завоеваниях" на островах Тихого океана» (с. 316). Правовые предпосылки для протектората усматривались им в первооткрывательстве, длительности его пребывания на Берегу Маклая, установившемся доверии папуасов к "тамо рус" как выразителю их интересов. Протекторат и морская станция сопрягались с папуасской автономией, с "приданием туземному управлению Берега Маклая форм, более соответствующих европейским понятиям" (с. 381), "чисто русская точка зрения" – с "более обширной точкой зрения человеколюбия, гуманности и цивилизации" (с. 394). Задуманная Миклухо-Маклаем колония предполагала взаимное соблюдение интересов колонистов и туземцев и такие отношения между ними, которые бы, как писал выдающийся географ П.П. Семенов, взамен эгоистической эксплуатации туземцев "обеспечили их от грозящего им полного уничтожения"⁸.

Без помеченных в томе (в большинстве – впервые) писем Александру III и великому князю Алексею Александровичу, а также министру иностранных дел Н.К. Гирсу и управляющему морским ведомством И.А. Шестакову (к этому явлению примыкают и письма обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву, влиятельному при дворе), наши представления о политических аспектах и планах тихоокеанской деятельности Миклухо-Маклая были бы куда беднее. Здесь следует подчеркнуть, что нынешнее издание восполняет и другие лакуны, образовавшиеся в переписке с членами царствующего дома из-за невозможности нарушить идеологический канон. Речь идет о десятках писем, пребывавших в архивной изоляции, и о вынужденных сокращениях в напечатанных, которым подвергались и обращения к другим лицам (так, из письма индологу О. Бётлингку выпал рассказ о любезном приеме, оказанном Миклухо-Маклаю во дворце великой княгини Елены Павловны в Ораниенбауме, где он провел несколько недель перед первым путешествием на Новую Гвинею) (с. 63). В письмах Александру III просьбы о финансовой помощи чередуются с благодарностями за уплату долгов, за субсидии на дальние переезды и подготовку материалов путешествий к печати. С искренним интересом и симпатией относился к Миклухо-Маклаю молодой великий князь Николай Михайлович, будущий историк и жертва расстрелов царской семьи. В одном из писем к нему высказано кредо бескорыстного служения науке (с. 256).

Поддержка Романовых не спасала ученого от хронической нехватки средств. Намереваясь послать телеграмму И.А. Шестакову, Миклухо-Маклай предупреждал: адрес – Кронштадт, ибо "St. Petersburg считается 2 слова и составляет по телеграфному тарифу 10 shill. разницы", и если подпись отправителя необязательна, то "ради экономии, которую я принужден соблюдать, ее не будет" (с. 398). Умирал национальный герой, мы знаем, в горькой нужде.

Переписка великого человека – это, как правило, срез культуры общества, породившего его, и в данном срезе, где самые яркие фрагменты касаются Л.Н. Толстого и И.С. Тургенева и хорошо знакомы биографам, выявлены и новые нити, более или менее значительные, связывающие Н.Н. Миклухо-Маклая с такими столпами русской прессы и литературной жизни, как А.А. Краевский и А.С. Суворин, с директором Публичной библиотеки историком А.Ф. Бычковым, с морским врачом и литератором Н.Н. Вакуловским, с прозаиком и историком Ф.А. Бюлером и художником-иллюстратором А.Э. Мюнстером, с профессором Медико-хирургической академии И.Р. Тархановым и дочерью А.И. Герцена Натальей, которая жила в Париже и могла бы содействовать переводу трудов ученого на французский язык. Показательны и простые упоминания – скажем, о прекрасной музыке в исполнении А.Г. Рубинштейна.

Наконец, несколько слов о штрихах, которые приближают к нам максималиста, подчинившего себя высокой цели, как живого человека – в мимолетных увлечениях молодости, в отношениях с ближайшими родственниками, в бытовых хлопотах. На страницах жизни, уместившейся между письмом восемнадцатилетнего студента к матери ("здоровье мое отлично") и просьбой умирающего непременно прислать корректуру автобиографии, портрет легендарного рыцаря науки обретает полнокровность сына своего времени, страны и среды – величию не в ущерб.

Читатель многостраничного и густонаселенного тома, вероятно, посетует на отсутствие указателя имен, охватывающего хотя бы адресатов писем – согласно плану редакции указатели будут сосредоточены в заключительном, шестом томе. Об опечатках можно бы и не говорить, поскольку они единичны.

Сделан важный шаг в освоении эпистолярного наследия Н.Н. Миклухо-Маклая.

Примечания

¹Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч. В 5 тт. Т. 4. Переписка и другие материалы. Сост. Н.А. Бутинов и Ю.М. Лихтенберг, при участии Г.А. Грумм-Гржимайло и Б.А. Вальской. М.; Л., 1953. Некоторые из писем были напечатаны в первых трех томах этого издания.

²*Miklouho-Maclay N. Travels to New Guinea. Diaries. Letters. Documents. Compiled, with a foreword and comment., by D. Tumarkin. Moscow, 1972.*

³Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч. В 6 тт. Т. 5. М., 1996. С. 152. В дальнейшем все ссылки на письма Миклухо-Маклая даются по указ. изданию.

⁴Путилов Б.Н. Н.Н. Миклухо-Маклай. Путешественник, ученый, гуманист. М., 1985. С. 453.

⁵См., например, "Записку о похищении людей и рабстве в западной части Тихого океана" // Указ. раб. раздел "Документы и материалы".

⁶Саратовский помещик П.А. Бахметев, возможно, послуживший Н.Г. Чернышевскому прототипом Рахметова, собирався на Маркизские острова завести "колонию на совершенно социальных основаниях" (См.: Герцен А.И. Былое и думы. Т. 3. М., 1934. С. 308–312).

⁷См. Массов А.Я. Переписка Н.Н. Миклухо-Маклая с министром иностранных дел России Н.К. Гирсом о военных приготовлениях и политической ситуации в Австралии и Океании // Страны и народы Востока. Вып. 28. СПб., 1994.

⁸Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества 1845–1895. СПб., 1895. С. 939.

А.С. Петриковская